

Яков Спесивцев

Одержимый
травник:
Одноместное кладбище

Яков Спесивцев
Одержимый травник.
Одноместное кладбище

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69124828

SelfPub; 2023

Аннотация

Зов приводит странствующего травника в отдалённое поселение на берегу реки Керть. Катайга с первого взгляда вызывает нехорошее предчувствие, а с наступлением ночи начинают происходить страшные события. Сможет ли герой остановить зло, пытающееся пробиться в мир? Одержимость древним духом его единственное оружие.

Содержание

Пролог	4
Глава первая	9
Глава вторая	20
Глава третья	26
Глава четвёртая	33
Глава пятая	38
Глава шестая	45
Глава седьмая	50
Эпилог	53

Яков Спесивцев

Одержимый травник.

Одноместное кладбище

Пролог

Плохие вещи происходят и днём, но только ночью можно сотворить настоящее зло.

Звон, разлетающегося в дребезги, стекла разбудил бы даже мёртвого. За звоном последовал глухой удар, вышибания двери. Фредерик не был храбрецом, но и в трусости обвинять его не стоило. Мужчина подскочил с кровати, его трясло, тело покрылось холодным потом. Гулкие быстрые шаги, раздавались за дверью. Их приближение, подобно набату, предвещало беду. Фредерик сообразил, что происходит, но отказывался в это верить.

В один прыжок, он очутился у двери и забаррикадировал её, деревянной щёткой для пола. В этот же момент дверь содрогнулась, будто в неё врезался разъярённый медведь. Дерево закрипело, грозясь разлететься в щепки.

Фредерик бросился к окну и отпрянул. На улице его поджидал человек с факелом. Щётка не выдержала очередного удара и сломалась. В комнату ворвались трое. Он пытался

сопротивляться, но силы были не равны. Его связали, выволокли на улицу и бросили в деревянный ящик.

– Нет! Пожалуйста не надо! – жалобно вопил Фредерик.

Мужчины не слушали, деревянная крышка отрезала последнюю надежду.

– Что же вы творите! – повторился крик, когда забили первый гвоздь. – Вы видели! Вы же видели! Там было не моё имя! На надгробье не моё имя!

Мужчины, заколовтив крышку семью гвоздями, подхватили ящик. По узкой дороге, где не разминулись бы две повозки, они несли свой лёгкий груз и тяжёлую ношу. Стальные решетчатые ворота кладбища, в свете факелов, сверкали. Их не трогала ржавчина, они всегда были как новые. За воротами на крохотном погосте, в самом его центре, находилась свежeweкопанная могила. Надгробье из светлого камня было разбито.

Ноша не переставала трепыхаться. Из деревянного гроба доносились звуки, больше похожие на скулёж, чем на человеческий плач. Ящик поставили на белоснежные канаты, в этот момент Фредерик предпринял отчаянную попытку выбраться, пнув крышку. Удар оказался такой силы, что перевернул гроб прямо в могилу.

Мужчины переглянулись и, пожав плечами, взялись за лопаты. Комья сырой земли забарабанили по дереву.

***

На лесной опушке, под яркий свет факела, внимательно

всматриваясь в траву, ходил мужчина средних лет. Его чёрные волосы были собраны в хвост. Тёмный кафтан, с круглыми металлическими застёжками, распахнут. Серая рубаха не скрывала таинственный амулет на груди, изумрудное дерево в угольно чёрной оправе. Ноги его были босы. Мужчину зовут Иаков, он странствующий травник.

– Вот ты где, – склонившись над мелкой игольчатой травой, произнёс он.

Факел был оборудован острым металлическим колышком на конце. Иаков резким движением вонзил его в землю. Невдалеке, почти на краю опушки, он оставил свой рюкзак, больше похожий на комод, деревянный со множеством ячеек. Рядом с ним стояли стоптанные сапоги, портянки были аккуратно развешаны на ветках кустарника.

Травник подошёл к рюкзаку и откинул верхнюю крышку. Из глубины он достал изящный треножник. Установив его, так чтобы пламя факела нагревало чашу, Иаков вернулся к рюкзаку. Из бокового отделения, он достал длинные, выше локтя, кожаные перчатки. Надев их, травник из того же отдела вытащил щипцы из голубого металла. Иаков начал приближаться к раскалённой чаше треножника, щипцы исходили паром.

Удобно перехватив инструмент, он подцепил травинку и потянул вверх. Тонкая, словно леска, она медленно поползла из земли, когда трава полностью покинула грунт, начала извиваться, как змея. Иаков кинул живую травинку в раскалён-

ный треножник. С громким шипением и свистом, она превратилась в зелёный пепел. Травник взялся за следующую.

Когда треножник наполовину заполнился изумрудным порошком, Иаков потушил факел и повалился рядом на землю уставившись в серое, как сталь, небо.

«Солнце, когда я последний раз видел лучи солнца. Год, два? Наверное, все пять. Ни намёка на просвет. Проклятое место».

Казалось бы, вытаскивать тонкую, хоть и живую, траву из земли лёгкая работа, но травник устал. Он был измотан. Щипцы в его руке продолжали исходить паром, кисть и предплечье покрылись тонким слоем льда. Не будь на его руках перчаток, он бы обморозил себе пальцы.

Иаков продолжал смотреть на стальную пелену, закрывающую не только солнце днём, но и звёзды ночью. Изумрудный порошок в треножнике начал остывать. Потрескивая, как битое стекло, он менял цвет на голубой. Когда порошок в чаше полностью стал сапфировым, травник вскочил.

За мгновение, тело Иакова покрылось потом. Нестерпимый зуд, зародившийся в зубах и основании черепа, распространился по позвоночнику, поражая каждый сустав. Травника трясло, это была одержимость, его проклятье, его радар на тёмные силы.

Когда создания мрака, по какой-то причине, пробивают пелену мироздания и вторгаются в мир людей, у Иакова случается приступ. Его, словно магнитом, тянет к созда-

нию тьмы, подобно посланника всевышнего, травник идёт на зов, чтобы устранить последствия прорыва. Одержимость не светлый дар, это проклятье.

Первый приступ – безболезненный зуд, каждый последующий начинает причинять адские муки, усиливающиеся с каждым разом. Иаков однажды испытал на себе мощь пятого зова. Тогда он чудом выжил и поклялся больше не медлить.

«Твою мать, как не вовремя. До готовности пылицы феи четыре с половиной часа. До следующего приступа тридцать шесть часов. Пылицу придётся оставить. Заберу её, когда разберусь с тварью, интересно, что на этот раз».

Травник взглянул на сапфировый пепел в треножнике, огорчённо вздохнул и вернулся к рюкзаку. Умелыми движениями он обмотал портянками ступни, обувшись, взвалил на спину тяжёлый рюкзак-комод. Его ждала нелёгкая дорога.

Глава первая

Река Кеть, подобно ускользящему от погони зверю, петляет от великих болот до самого устья. Протяжённостью больше полторы тысячи километров, она протекает по древне-сибирской равнине. Именно она служила главным ориентиром Иакову.

На берегах извилистой реки располагалось множество людских поселений, но путь травника лежал в Катайга. Небольшой посёлок, окружённый рекой и лесом. Ближайший город, с представителями имперской власти и церковью, в двухсот километрах, это неделя пути верхом на здоровой лошади.

По злому умыслу или по воле всевышнего, травник заготавливал пыльцу фей в, примыкающих к поселению, лесах. Путь до Катайга занял сутки с небольшим. Второй приступ должен был нагреться через пару часов. Иаков не любил, когда зов случался на глазах у людей, он решил устроить привал и, после приступа, войти в селение.

Травник впервые посещал Катайга, он был удивлён отсутствием частокола, стражи и ворот. Он уставился на два широких столба по краям дороги, обозначающих начало поселка. Четыре факела освещали их, два перед и два после. За столбами, практически вплотную, начинались бревенчатые дома, с покатыми крышами и маленькими, огороженными

невысокой изгородью, участками.

«Почему нет оборонительных сооружений и стражи. Поселение граничит с лесом, там водятся не только хищные звери. Неужели люди не боятся лесных обитателей. Странно это. Кстати, где люди? Почему никого нет».

С нехорошими мыслями Иаков вошёл в поселение. Пройдя четыре дома, травник не выдержал и направился к изгороди. Осмотрев внутренний двор и не обнаружив собаки, травник смело открыл калитку и пошёл к дому.

– Люди добрые! Есть кто? – постучавшись три раза, громко крикнул он.

Ответом ему была тишина. За дверью не раздалось ни единого звука.

«Дьявольщина».

Иаков скинул рюкзак и уселся на крыльцо. Достав из ячейки комода простую деревянную трубку, он набил её табаком. Стоило ему раскурить её, как хриплый голос раздался с соседнего участка.

– Ты кто такой? И чего ты делаешь на крыльце Митьки?

– Я травник, – Иаков поднялся и быстро нашёл глазами собеседника.

Им оказался пожилой мужчина в ватнике земляного цвета и драповых штанах. Старик облокотился на изгородь, придерживая меховую шапку рукой.

– Травник? – недоверчиво спросил старик.

– Странствующий травник Иаков, – поклонившись, пред-

ставился.

– Давненько к нам никто не забредал, – с прищуром проговорил старик.

– Я собирал травы в здешних лесах, шёл вдоль реки и набрёл на ваше селение.

– И амулет у тебя имеется? – ехидно спросил старик.

– Конечно, – Иаков расстегнул кафтан и продемонстрировал изумрудное дерево в угольной оправе.

– Мать частная! – старик, с небывалой прытью, перескочил через изгородь и мгновенно оказался перед травником. – Настоящий! Я было подумал шарлатана какого-то принесло. Шастают, тут бывает по отдалённым деревням, да людей дурят.

– Самый, что ни наесть травник, – гордо заявил Иаков. – Мне бы со старостой встретиться или кто у вас тут главный?

– Боярский тиун Фадей, он решает вопросы посёлка, – задумавшись, ответил старик.

– Боярский тиун, – удивлённо повторил Иаков. – Старик, к тебе то как обращаться?

– Потапом меня кличут.

– Потап, где мне найти Фадея? – вытряхнув пепел из трубки, спросил травник.

– Пойдём, я провожу.

Вдвоём они покинули пустой двор и направились вглубь посёлка. Ближе к центру начали попадаться люди. В основном дети, женщины и старики. Мужчины встречались редко,

и были совсем юны, или имели увечья.

– Что у вас так безлюдно? – решил спросить Иаков.

– Так на заработках все, – хмуро ответил Потап. – Идея купца Варфоломея, – старик указал в сторону реки. – Крепкие мужчины поднимаются к самому истоку реки Кеть, сооружают там громадные плоты и сплавляются на них до Белоляра.

– А тут у вас, разве нечем заняться? – обдумывая идею купца, спросил Иаков.

– Молодёжь рвётся с родных земель. Их манит к себе город. Да и заработок у купца, барский. Ты пришёл слегка не вовремя.

– Я не планировал наживаться на честных работниках. По древнему договору я обязан помогать людям, – обхватив амулет, произнёс травник.

– Ой да ладно, – улыбнувшись, сказал Потап. – Знаю я вашу помощь. Ты не переживай, хоть мужчины на заработках, мы не стеснены в средствах. Вот и пришли.

Двор ничем не отличался от остальных. Простая изгородь, небольшой участок земли и одноэтажный бревенчатый дом.

***

Боярский тиун Фадей представлял собой сухого, седого мужчину. Старческая слабость ещё не навалилась на него полной силой, но и молодая прыть уже отсутствовала. Двигался Фадей медленно, будто был смертельно уставшим, мешки под глазами свидетельствовали о бессонных ночах.

В доме было на удивление уютно и чисто. Фадей пригласил травника за стол, где они разделили богатую трапезу. Запечённый кролик, варёный картофель, укроп, лук, свежий хлеб и мёд. После трапезы тиун предложил отведать медуухи, но травник отказался.

«Не стоит употреблять алкоголь во время цикла приступов».

– Я предоставлю вам жильё на любое требующееся время. Как вы предпочтёте оказывать свои услуги? – Фадей сразу перешёл к делу.

– Обычно, я выставляю образцы на площади и собираю заказы. Оплата при получении.

– Хорошо звучит, но люд у нас простой, грамоте не обучен, – обхватив острый подбородок, проговорил тиун. – Оставляйте образцы с инструкцией у меня, я соберу заказы. Думаю, у нас в посёлке найдётся пара людей, скажем так, которым нужно особое лекарство. Как вы смотрите на то, чтоб принять их лично?

– Конечно. Но изготовление особых лекарств затратное дело, – осторожно сказал Иаков.

– За плату не беспокойтесь, как боярский тиун, я даю слово, что любой ваш труд будет вознаграждён, – Фадей широко улыбнулся.

«Тиун явно хочет нажиться на моих заказах. Это не моё дело, золото, серебро и медь, всего лишь металл. Меня привела сюда не алчность».

– Один момент. Я предоставляю ещё один вид услуг, но до того, как их озвучить, я хочу быть уверенным, что это останется между нами, – Иаков внимательно следил за реакцией Фадея.

– Да конечно. Всё, что вы скажете, останется между нами, – настороженно сказал тиун.

– В странствиях я сталкивался с тёмными силами, – фраза Иакова, заставила Фадея напрячься. – И обрёл некий опыт в борьбе с ними.

– Вы имеете ввиду всяческие амулеты, обереги и снятия проклятий? – тиун успел взять себя в руки, фраза прозвучала буднично, но его глаза выдавали страх.

– Амулеты и обереги это промысел шарлатанов. Я говорю о настоящих созданиях мрака, о вещах, которые вы не в силах понять и объяснить, – Иаков сверлил взглядом старика.

От глаз травника не утаилось, тиун что-то знает, эти знания пугают его до смерти, но Фадей не спешит делиться ими. Иаков решил не давить, а дать время обдумать сказанное.

– Если вы ни с чем подобным не сталкивались, то эта сторона моей деятельности останется не востребованной. Если же, что-то подобное имело место быть, то я готов заключить договор.

– Договор? – заинтересованно спросил Фадей.

– Древнее соглашение, его невозможно нарушить. Хотя, нет, есть один способ, но для этого придётся умереть, – травник улыбнулся. – Давайте перейдём к образцам.

Иаков подвинул рюкзак к себе поближе и, открывая ячейки, начал выкладывать небольшие свёртки и бумажные кульки на стол.

– Иван-да-Мария чистит кожу, залить крутым кипятком и настоять два дня. Настоем умываться. Разбой-трава от застоя крови, запарить и пить. Богородская трава от ночных удуший. Просвирники для роста волос, настоять и после бани обмыться. Трава Бел Таленц для пастухов и доярок, порошок необходимо вдохнуть, домашние животные будут слушаться. Адамово голова положить под язык, придаст храбрости войнам и облегчает страдания при ранении.

Фадей записывал названия и описание лекарств.

– Расковник, она же разрыв-трава, открывает ржавые, заклинившие замки. Залить кипятком, настоять двенадцать часов. Достаточно залить в замочную скважину, если замок навесной, то облить полностью.

– Полезная, всяко дешевле нового замка, – одобрительно сказал Фадей.

– Чертополох убирает тревоги. Шариком разодрать кожу в кровь и тревоги уйдут.

– Много жён тревожатся о своих мужьях. Чертополох будет пользоваться спросом, – Фадей сделал пометку.

– Сон-трава. Порошок вдыхать или глотать, при вдыхании эффект мгновенный. Это лекарство я продаю в ограниченном количестве.

– Я понимаю, но, пожалуй, мне оно пригодиться. Замо-

тался я последнюю неделю, – Фадей поднял уставшие глаза, ожидая следующей инструкции.

– Перунов-крест. Траву пережевать и сплюнуть на ожог, уйдёт боль, а заживление пройдёт быстрее.

– Фух, – вздохнул тиун, когда травник описал последнее лекарство. – Много, же получилось.

– Это только самые основные. Возможности лекарственных трав многогранны, даже в одном случае можно использовать разные. Важно помнить, что у трав множество эффектов, чтобы эти эффекты не навредили, при заказе обязательно указывай заказчика. При изготовлении я буду смотреть совместимость.

– Хорошо, – кивнул Фадей.

– Где я могу отдохнуть? – собирая рюкзак, спросил Иаков.

– О, отдых, конечно. Я провожу, – поднявшись из-за стола, сказал тиун.

Когда травник вышел во двор у изгороди толпились женщины.

– Потап, растрепал о твоём прибытие, – негромко объяснил Фадей.

Люди зашептались. Иаков отчётливо разобрал несколько фраз.

– Травник. Настоящий травник.

– Такой молодой.

– Прохвост Фадей, уже взял его в оборот.

– Интересно, а гвоздика у него есть.

– Сейчас я провожу уважаемого травника. Человек устал с дороги. Приму всех вас, – повысив голос, проговорил Фадей.

В сопровождении тиуна, травник прошёл сквозь толпу. Удалившись от центра посёлка, Иаков увидел на берегу реки огромную усадьбу.

– Какое богатое поместье, – восхищённо произнёс он.

– Вотчина Варфоломея, – недовольно буркнул Фадей.

Травник задержался, чтоб внимательно рассмотреть владения купца. Большое двухэтажное поместье с покатою крышей. Слева небольшой домик садовника, справа просторная конюшня и дом слуг. На заднем дворе, разбит шикарный сад, с овальной беседкой. На берегу оборудован хороший, широкий причал и ещё одно высокое строение, похожее на склад. К причалу пришвартован небольшой паром.

«Купец неплохо устроился. Видать дела и вправду идут в гору. Не к нему ли меня тянет зов».

– Согласен, есть чем полюбоваться, – отвлёк его Фадей. – Вон видишь причал. Это и есть наши ворота.

Травника словно молнией поразило.

– Совсем из головы вылетело, – улыбнувшись, начал Иаков. – Скажи мне, почему у вас нет частокола и стражи?

– А кого нам бояться, – пожав плечами, бросил Фадей. – Разбойников у нас не водиться, всякая нечисть обходит посёлок стороной. Когда меня сюда назначили, я тоже удивился и выпрашивал средства у боярина на, хотя бы, простой частокол. Мне отказали, тогда я думал, что меня отправили

умереть здесь, но прошёл год, за ним другой, а нападений всё не было. Я служу боярским тиуном двадцать пять лет, за это время, ни одна тварь близко не подошла к посёлку.

– Похоже это место хранит могущественная сила, – задумчиво проговорил Иаков.

– Могущественная сила? Я погляжу ты не веруешь во всевышнего? – безразлично спросил Фадей.

– Я травник, мы не враждуем с церковью, но мало кто из нас истинно верует во всевышнего, – уклончиво ответил Иаков. – Так и в посёлке я не вижу церкви.

– Боярин посчитал расточительством, возводить даже скромную часовенку. Его взгляды кощунственны, но наши парни, отправляясь на заработки, берут с собой дары всевышнему и церковную десятину. Там в Белояре, они посещают храм преподобного Ильи Муромца. Все в выигрыше. Церкви хватает даров, чтоб не считать нас язычниками, боярин не тратит средства на часовню, а мы молимся на икону, привезённую из храма.

За разговором травник не обратил внимание на, уходящую в сторону, хорошо утоптанную, узкую дорожку.

– Вот мы и пришли, – указывая на маленький дом, сказал Фадей. – Внутри есть всё необходимое. Ужин принесут чуть позже. Если что-нибудь будет нужно, передай с Виолой.

– Виола?

– Женщина, это её дом, но живёт она у... – замялся Фадей, подбирая слово.

– Хорошо, спасибо за гостеприимство, – поблагодарил Иаков, не дожидаясь конца фразы.

Глава вторая

Земля перед крыльцом была истоптана, будто здесь проводилось собрание. Дверь оказалась не запертой. Сени встретили приятным ароматом соломы, земли и овощей. Тут, же была, кладовая и погреб. Иаков снял сапоги, рюкзак оставлять не стал, и зашёл в дом.

Большая печь с выемками, под горшки и кухонную утварь, занимала почти всю комнату. Было прохладно, травник открыл печь, она была вычищена.

«Жаль не осталось золы, можно было бы сварить мыло, про запас».

Пройдя мимо печи, попал в просторный обеденный зал. Тут явно раньше был большой стол, но сейчас в центре комнаты стоял сколоченный на скорую руку маленький столик. Травник коснулся столешницы.

«За ним, ещё ни разу, не трапезничали».

Иаков осмотрел три одинаковые спальные комнаты. Они ничем не отличались друг от друга, окно с видом на задний двор, кровать и деревянная тумба. Хотя отличие всё же было, в одной из комнат дверь была расшатана, будто её пытались выломать. В ней и решил расположиться травник.

Поставив рюкзак-комод в угол комнаты, он достал из ячейки серый мешочек. Порошком похожим на соль, обсыпал порог и подоконник. Ещё раз осмотревшись, травник

убрал мешочек на место и из другой ячейки достал стрекозу.

Насекомое было из стекла, но изготовлена настолько искусно, что казалась живой. Иаков поставил её на подоконник, глядя ей в глаза, прошептал.

– Сиянием своим, сохрани меня на утро, на день, на вечер, на сон грядущий, и силою своей укажи на нечисть, проравшешю пелену мироздания.

Травник отстранился от стрекозы и, сжав подбородок двумя руками, стал ждать. Прошла минута, вторая, третья он тяжело вздохнул и хотел было уже потянуться к стрекозе, как её крылья дрогнули. Она ожила, взмыла в воздух и сделала круг по комнате, затем направилась к окну. Иаков поспешно распахнул его. Стрекоза на мгновение замерла во дворе, а затем устремилась на юго-запад, к усадьбе купца.

«Дух стрекозы, чувствуя зло, направился к вотчине Варфоломея. Похоже купец нечист. Если дело в алчности, то в первую очередь это жабы. Усадьба не примыкает к болотам, где же тогда скрывается нечисть. Та странная постройка рядом с причалом, возможно...»

Размышление травника прервал стук в обеденном зале. Иаков закрыл окно, бросил взгляд на рюкзак и вышел из комнаты. На обеденном столе стоял, замотанный в ткань, глиняный горшок.

– Виола, – тихо позвал травник.

Никто не ответил. Открыв горшок, Иаков вдохнул приятный аромат полбяной каши. За его спиной скрипнула дверь,

и он резко обернулся. В пороге замерла, совсем не симпатичная, женщина средних лет. Чёрные одежды и хмурое лицо. Она явно была в трауре. В руках женщина держала деревянную миску и ложку.

– Виола? – вопросительно произнёс травник, женщина кивнула.

– Вот ваша миска и ложка, – она протянула посуду. – В этом доме мало, что осталось. После похорон, все вещи мужа сожгли. Это было ужасно.

– Я травник, в своих странствиях мне приходилось сталкиваться с ужасными вещами, – Иаков понятия не имел о чём говорит женщина, но нутром чувствовал, что нельзя показывать свою неосведомлённость.

– А я глаз не могу сомкнуть с последних похорон, всё было не так, как обычно, – Виола перекрестилась и добавила. – Как вспомню тот жуткий вой. Да хранит нас всевышний.

Женщина собиралась уходить, но Иаков задержал её.

– Виола, спасибо за ужин и передайте Фадею, мне понадобится карта посёлка и окрестных мест, также бумага, подойдёт исписанная.

– Я передам, господину тиуну вашу просьбу, – женщина поклонилась и покинула дом.

Иаков бросился к двери и припал ухом, слушая отдаляющиеся шаги женщины. Шаря рукой по косяку, он пытался найти щеколду или крючок, но его не оказалось. Также отсутствовали петли для засова. Дверь открывалась во внутрь.

Травник вернулся в комнату и перенёс рюкзак в обеденный зал. Первым делом он насыпал на стол горку золотого песка и положил рядом белоснежное перо. Затем откинул верхнюю крышку рюкзака и вытащил сушёный лист размером с ладонь. Осторожно бросил его в горшок с кашей и отскочил.

«Никакой реакции. Каша не навредит мне. Почему же дом выглядит как ловушка для путников. Что же задумал тун? Виола упомянула похороны, стоит посетить кладбище. Если там они хоронят жертв, то в срочном порядке надо бежать. Я могу противостоять любому тёмному созданию, но бессилён перед людьми. Следующий приступ можно переждать в лесу и уже потом действовать».

Обдумывая свои последующие действия, Иаков ел кашу. Вступая в противостояние с тёмными силами, он часто забывал про еду. Сейчас был прекрасный момент набить живот.

Закончив трапезу, травник взглянул на золотой песок, волшебным образом он превратился в небольшую золотую лужицу. Воткнув перо в золото, Иаков пошёл в комнату. Замерев на пороге, он ещё раз внимательно осмотрел дверь.

«Её точно недавно выбивали».

Закрыв двери во всех комнатах, травник вернулся в обеденный зал и произнёс.

– Перо Йоханана, покажи истину.

Белоснежное перо задрожало и взмыло, его кончик блеснул. Оно быстро двигалось, оставляя в воздухе, сверкающие

золотом, буквы на древнем языке.

«Нет! Пожалуйста не надо! Что же вы творите! Вы видели! Вы же видели! Там было не моё имя! На надгробье не моё имя!».

– На надгробье не моё имя. Что бы это значило? – задумчиво спросил Иаков в слух.

Травник скрупулёзно убрал оставшееся золото со стола, положил перо назад в рюкзак и вышел из дома.

«Вместе с тиуном мы проходили мимо узкой дороги. На такой нельзя разминуться, по ней удобно идти только в одну сторону. Подходит для похоронной процессии».

Проржавевшие, кладбищенские ворота встретили Иакова.

«Странно, обычно в посёлках хорошо ухаживают за погостами».

Травник зашёл на кладбище и не мог поверить в увиденное. В центре была всего одна могила и выглядела она, как нечто невообразимое. Комья земли, вперемешку с крупной деревянной щепой, были раскиданы вокруг. Чёрный как кусок каменного угля, надгробный камень, разбит. Мгновенно оценив ситуацию, травник задрал голову к серому небу.

«До наступления темноты два часа. Из могилы, разламывая гроб в щепки и разрывая землю, вырвалось мертвое. Тварь прячется где-то в посёлке, выжидает наступления ночи. Мертвое помнит свою жизнь и всегда возвращается в своё жилище. Гостевой дом. Вот значит, что задумал тиун

Фадей. Ублюдок».

Глава третья

Нервно заламывая руки, старик Фадей ходил взад-вперёд по комнате. Как боярский тиун, он одобрял свой поступок, но как верующий человек, не мог себе этого простить. Травник сам заикнулся об опыте борьбы с тёмными силами. Значит есть шанс.

Фадей тяжело вздохнул и решился, но тут раздался громкий стук в дверь.

– Кого на ночь глядя принесло! – зло бросил он и отпёр засов, на пороге стоял странствующий травник.

– Доброй ночи, тиун Фадей, – с их последней встречи лицо Иакова кардинально поменялось. От травника исходила неведомая сила.

– Иаков, а я как раз собирался к вам, – растерянно проговорил старик.

– Так чего же мы ждём, пойдёмте скорее, – Иаков выдал улыбку, в мрачном свете она казалась безумной.

К гостевому дому Виолы, Фадей приближался медленно, казалось боярский тиун чего-то боится.

– Знаете почему покойников несут ногами вперёд? – внезапно спросил Иаков, когда они подошли к калитке вплотную.

– Я участвовал в похоронных процессиях, конечно я знаю это, – едва держа голос ровным, ответил Фадей.

– Почему завешивают зеркала? Почему нельзя класть в гроб вещи живых? Зачем закрывают глаза и рот? – травник набросился на тиуна с вопросами.

– Да, да, конечно я всё это знаю. К чему вы ведёте? – нервно спросил старик.

– Я побывал на вашем погосте, – холодно сказал Иаков. – Пожалуй я пропущу вас первого.

Фадей опустил голову и долго молчал. Когда он собрался с мыслями в глазах его стояли слёзы.

– Хорошо, пойдёмте в дом, мне многое придётся рассказать, – старик прошёл через двор и вошёл в сени.

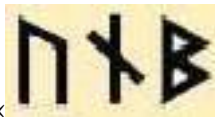
Иаков удивлённо смотрел ему в след.

«Если тиун знает об умертвие, какого чёрта он творит».

– Эй, стой! – окликнул травник и бросился за ним.

– Это, что за староверие, – растерянно проговорил Фадей.

Обеденный стол был передвинут в центр комнаты, на каждой стене были начертаны ярко зелёные руны:

«».

– Ловушка на умертвие. Стоит мстительному мертвецу в неё попасть, он уже не сможет вырваться. Странно, я думал он уже здесь, – объяснил Иаков.

– А зачем ему здесь быть, если он мстительный? – растерянно проговорил Фадей.

– Виола! – догадался травник. – Хозяйка дома, чем-то

обидела покойника? Ты сказал, что она больше здесь не живёт. Почему?

– Это, – Фадей замялся, подбирая слова.

– Понятно, – Иаков не стал дожидаться ответа. – Я вам говорил, что оказываю услуги по борьбе с тёмными силами, – старик кивнул. – Готовы заключить договор?

Фадей медлил, казалось он чего-то боится.

– Вы своими силами сможете справиться с вернувшимся мертвецом? С кровожадной тварью, способную разорвать крепкого мужчину голыми руками. С тварью, что не боится стали. С тварью, что не знает жалости. Для неё не имеет значения, женщина, старик или ребёнок, для неё вы все еда!

Иаков не любил эту часть своей работы, но другого выхода не было. Договор необходимо заключить, без него одержимость не обратит в силу.

– Да, я готов заключить договор, – Фадея трясло.

– Хорошо, вот держите, – Иаков протянул маленький медальон, с фалангу большого пальца.

Старик открыл его, внутри была острая игла. Фадей наколол об неё палец. Выступившая капелька крови мгновенно впиталась в амулет.

– Что послужит платой? – протягивая амулет, спросил старик.

– Плата всегда разная, но это точно не золото или серебро, – сказал Иаков.

– Тогда заберите меня, – обречённо предложил Фадей.

– Не я решаю какая плата будет назначена, – с грустью произнёс травник.

Их разговор прервал громкий, отчаянный женский вопль.

– Твою мать! – травник рванул из избы.

Спеша на крик, Иаков осознавал, что опоздал. Женщину было уже не спасти, но мертвые необходимо уничтожить. В окнах домов зажегся свет, скудно освещая путь. Травник плохо ориентировался в посёлке и не знал где живёт Виола, но он продолжал бежать, его вело чутьё.

В кромешной темноте Иаков заметил движение. Это было не мертвые, но оно источало жажду смерти. Отскочив в сторону, травник разминулся с острыми вилами. Здоровенный мужик чуть насквозь не пробил ему грудь.

– Эй! Ты чего творишь? – поднимая руки ладонями вперёд, прокричал Иаков.

– Ты ещё кто такой?

– Я странствующий травник. Если ты хочешь помочь, то нам лучше поспешить, – не опуская рук, проговорил Иаков.

– Кричали со двора Петра, поспешим, – здоровяк рванул с небывалой прытью.

Иаков едва поспевал за, вооружённым, мужиком. Когда они добрались до двора Петра, мужчина на мгновение растерялся. Перед избой лежал худощавый мужчина, в его груди торчала рукоять ножа. Виола лежала рядом, прямо на ней сидел измазанный в грязи покойник и душил её.

«Какого чёрта тут происходит? Нож? Мертвые не

пользуется оружием. Тварь рвёт когтями и зубами».

Травник не успел ничего предпринять, как здоровый мужик воткнул вилы в спину убийце и сбросил его с женщины.

– Хобяка! – выругался травник и подбежал к ним.

Виола содрогалась в кашле.

– Виола, шельма проклятая, догулялась блудница, – сквозь зубы выругался мужик, склоняясь над трупом Петра.

– Тебя как звать? – бросил Иаков.

– Иван, – ответил здоровяк.

– Ваня, занеси Виолу в избу. Ей необходим покой, затем возвращайся ко мне.

Здоровяк подхватил женщину и скрылся в избе. Травник начал осмотр с Петра. Нож пробил грудь, мужчина умер мгновенно. Иаков осмотрел шею и руки, укусов не было.

«Это не мертвые. Что ещё за тварь способна вырваться из могилы. Зомби, неуспокоенный мертвец, упырь, вурдалак? Ни одно восставшее или возвращённое создание не пользуется человеческим оружием. Кто же ты чёрт тебя дери?».

Иаков медленно приближался к лежащему на животе трупу. Остановившись в метре от тела, травник решил не рисковать и дожждаться Ивана.

– Ты, силой не обделён, – не сводя взгляда с покойника, произнёс Иаков, когда услышал за спиной шаги. – Прижми его вилами к земле.

– Зачем? – удивлённо спросил Иван. – Я его насквозь про-

ткнул.

– Просто поверь мне, – не успел травник закончить фразу, как покойник пошевелился и начал подниматься.

– Свят, свят, – Иван перекрестился и замер.

– Прижми его! – скомандовал Иаков.

Здоровяк пришёл в себя и среагировал молниеносно, схватил черенок и прижал вилами покойника к земле, для надёжности, поставил ногу на поясницу.

– Что же ты такое? – загадочно проговорил Иаков, склоняясь к живому мертвецу.

Укусов на шеи не было, следы разложения отсутствовали, даже запаха гнили не было. От мертвеца пахло землёй и рыбой. Глаза, на удивление травника, были как у обычного человека, светло карие.

– Интересно, что ты такое? – травник громче повторил вопрос и отшатнулся, когда мертвец ответил.

– Я муж этой патаскухи! – прохрипел мертвец.

– Твою мать! – выкрикнул Иван и отшатнулся, выпустив вилы из рук.

Мертвец начал подниматься.

– Согласно древнему договору, любое создание, не принадлежащее этому миру обязано назвать себя! – выставив перед собой ладонь, с оттопыренным указательным и большим пальцем, произнёс Иаков.

Мертвец замер, уставившись на травника. Иван пришёл в себя и совершил непредсказуемый поступок. Резким движе-

ние он вырвал вилы из тела мертвеца и, со всей дури, пригвоздил его к земле новым ударом. Раздался хруст плоти, чваканья пронзённых внутренностей и скрип костей. Глаза мертвеца потеряли жизнь, и он обмяк.

– Иван, хватай этого покойника и поспешим в гостевой дом, пока он не очнулся, – прикрыв мертвецу глаза, быстро проговорил Иаков.

– А Пётр? – кивнув на мужчину, с ножом в груди, спросил здоровяк.

– С обычным трупом разберётся Фадей, а вот и он, лёгок на помине.

Ко двору, держа факел в руках, прибежал боярский тиун в сопровождении трёх, вооружённых палицами, мужчин.

– Что тут произошло? – оглядывая два трупа, спросил Фадей.

– Пётр мёртв, – начал говорить Иван, но его перебил Иаков.

– Иван, у нас мало времени, хватай мертвеца и бегом в гостевой двор. Тиун, с покойником разберётесь сами. В доме Виола, она жива. Как закончишь, присоединяйся к нам в гостевом доме. Советую не затягивать, нам многое надо обсудить.

Здоровяк Иван не стал вырывать из мертвеца вилы, ловким ударом ногой, он сломал черенок и сгрёб труп.

– У нас минут пять, поторопись, – подгонял его Иаков.

Глава четвёртая

Здоровяк буквально влетел в избу.

– Бросай его на стол, – скомандовал Иаков, подтягивая рюкзак.

Труп гулко стукнулся о столешницу.

– Свяжи ему большие пальцы на ногах, – достав из ячейки рюкзака нить, попросил травник.

– Зачем? – спросил Иван, рассматривая зелёную конопляную бечёвку.

– Чтобы дух не ходил в мире живых, – пояснил Иаков и вытащил из рюкзака курительную трубку.

Длинный прямой мундштук блеснул серебром. Массивный стаммель покрывали резные животные. Иаков достал кисет с табаком, но набивать трубку не торопился.

Мертвец был без обуви, Иван быстро стянул ему пальцы и, завязав бечёвку двойным узлом, уставился на травника.

– Вытаскивай рожки, – хмуро произнёс Иаков.

– Ты уверен? – недоверчиво буркнул Иван.

– С этого стола ему никуда не деться. Вытаскивай, – с нажимом повторил травник.

Иван потрогал грудь мертвеца и, одним рывком, вырвал стальные рожки вил из тела покойника. Кровь брызнула из четырёх отверстий. Иаков, развязав кисет, захватил щепоть крупно нарезанного табака, обмакнул его в кровь мертвеца,

и набил трубку. Иван ошарашено переводил взгляд с травника на мертвеца. Иаков щёлкнул пальцами и без огня раскурил трубку.

– Делай выбор сейчас, потом будет поздно, остаться или уйти, – мрачно произнёс травник.

– Я остаюсь, – твёрдо заявил Иван.

Иаков сделал глубокую затяжку и выдохнул коричневый дым. Грязный, будто земля с песком, он окутал комнату. Подобно болоту, дым медленно засасывал в себя мужчин. Сначала лодыжки, Иаков выдохнул вторую порцию, дым поднялся до колен. Иван попробовал поднять ногу и понял, что это практически невозможно. Когда дым дошёл до пояса, поравнявшись со столешницей, на которой лежал мертвец, Иаков вытряхнул пепел из трубки.

– Тебе не сбежать, открывай глаза, тварь, – медленно с угрозой произнёс травник.

Мертвец как по приказу открыл глаза и поднял голову. Найдя взглядом травника, он задёргал руками и ногами, их будто держали кандалы.

– Согласно древнему договору, любое создание, не принадлежащее этому миру обязано назвать себя! – выставив перед собой ладонь, с оттопыренным указательным и большим пальцем, произнёс Иаков.

На этот раз Иван не стал вмешиваться, сжимая в руках рожки, он с ужасом наблюдал за происходящим. Мертвец уставился на мужчин и медленно открыл рот.

– Что? Представиться? Я Фредерик! Муж этой потаскухи, Виолы! – прокричал покойник.

– Тебя схоронили два дня назад, – вырвалось у Ивана.

«Два дня. Как раз, когда у меня случился первый приступ».

– Иван, раз ты решил остаться, не разговаривай с нечестью! Не смотри ей в глаза! И не дай себя укусить, – громко предупредил Иаков.

Здоровяк очередной раз перекрестился.

– Аха, – засмеялся мертвец. – Думаешь всевышнему есть до тебя дело? Ты правда веришь, что крест уберёжёт тебя?

Иван опустил взгляд и плотно сжал губы.

– Ты прав, – копаясь в рюкзаке, сказал травник. – Всевышний слишком занят, но вот твоё нежелание умирать, как раз моё дело.

Иаков надел очки с круглыми голубыми линзами и установился прямо в глаза покойнику.

– Ты ещё кто такой? – зло спросил мертвец.

– Зло не ушедшее, зло вернувшееся, осквернённая душа! Я приказываю тебе! – голос травника стал подобен грому. Сжав кулаки, Иаков оттопырил большие пальцы и прижал их друг к другу подушечками. – Покинь страдальное тело и отправляйся на суд! – Иаков оттопырил указательные пальцы, образуя кистями подобие молнии.

Мертвец задёргался, глаза, рот, нос и уши засияли алым. Пронзительный вой вырвался из глотки. Иван схватился за

голову прикрывая уши. Травник распустил, собранные в хвост, волосы, сорвал амулет с груди и приложил его ко лбу покойника. Вой тут же сменился громким шипением, через мгновение мертвец обмяк.

Иаков вернул амулет на шею и расслабился, как в дом вошёл боярский тиун. Если бы старик постучал или задержался бы на минуту, всё сложилось бы по-другому. Коричневый дым мгновенно ускользнул за дверь. Фадей взглянул на стол и замер, встретившись взглядом с покойником.

– Не смотри! – прокричал Иаков, но было поздно.

Глаза старика лопнули, визжа от боли, он упал на колени.

– Иван! Вытащи тиуна из дома, промой ему лицо колодезной водой, – складывая руну «П» большими и указательными пальцами, распорядился Иаков.

Здоровяк, увидев, что произошло со стариком, закрыл глаза, схватил тиуна за шкуру и на ощупь выбрался из дома.

Мертвец поднялся и сел.

– Тебе не пробить руны, – спокойно произнёс Иаков. – Кто или что ты такое?

– Я хозяин погоста! – голос мертвеца звучал как ржавый скрип.

– Согласно древнему договору ты ответишь на мои вопросы! – травник быстро выполнил тройку рун кистями. – Что заставило тебя покинуть свои владения? – опустив руки, спросил травник.

– Нарушение древнего договора! – рявкнул труп.

«Хозяин погоста забирает тела, похороненные в его владениях. У него нет права забирать души и тем более он не в праве покидать погост. Если только... Чёрт! «На надгробье не моё имя!»».

– Чьё имя было на надгробье!?! – зло спросил Иаков.

Ответом ему был злой, противный скрипучий смех мертвеца.

Глава пятая

Травник пошатываясь вышел из гостевого дома. Его встретили трое мужчин, вооружённые палицами.

– Как Фадей? – не обращая на них внимания, спросил он у Ивана.

– Живой, но покалечило его знатно, – здоровяк опрокинул на себя ведро колодезной воды. – Иаков, тебя же так зовут. Скажи мне, что за бесовство твориться.

– Умертвие, вернувшийся разгневанный мертвец. Его предали или погребение провели халатно, – Иаков не стал говорить, что это не обычное умертвие. – Ты сказал, его схоронили два дня назад. Будем считать это началом. У нас день, чтобы вернуть эту нечисть на кладбище. Иван, мне опять понадобится твоя помощь.

– Говори, что нужно, – взволнованно произнёс здоровяк. Иаков только сейчас заметил, что Иван посидел как лунь.

– Собери со всех домов соль и обсыпь избу, – улыбнувшись, сказал травник.

– Будет сделано. Что-нибудь ещё? – спросил Иван.

– Если не хочешь нести скорби, не берись помогать вернувшемуся духу. Разгони всех ротозеев, перед домом должен быть только ты. Тварь в избе хитра, она может искушать тебя, чтобы она не говорила, не верь! Ни в коем случае не открывай дверь и тем более не входи в избу.

– Хорошо, – здоровяк кивнул и жестом позвал мужчин. – А чем займёшься ты? – внезапно спросил он Иакова.

– Я осмотрю кладбище, – коротко ответил травник.

Стоило ему войти в проржавевшие ворота погоста, как на него навалилась тяжесть. Каждый шаг давался с трудом и чем ближе травник подходил к центру, тем тяжелее было двигаться. В раскуроченной могиле что-то противно булькало. Иакову хватило одного быстрого взгляда, чтобы понять, у него намного меньше времени чем он изначально предполагал.

Могилы были набиты телами, костями и гноем. Сотни облезших, сгнивших лиц смотрели из провала. Конечности барахтались в гное, тела переплетались, подобно клубку змей. Вот один покойник цепляет другого за щёку и разрывает ему рот. Другой, переползая через острые кости, вспарывает живот и разваливается как переспелый помидор. Одному удаётся подняться на ноги, он стоит на головах и протягивает руки, ему не хватает совсем чуть-чуть чтобы схватиться за край могилы. Травник уже приготовился к встрече с разложившемся трупом как опора мертвеца пошевелилась, и он рухнул в бульон, разбрызгивая гной с кусками плоти. Вся эта зловонная масса грозила выплеснуться в мир живых.

«Пару часов не больше. Надо торопиться».

Травник упал на колени перед разбитым надгробным камнем. Угольно чёрный, он словно впитал в себя извергнутое зло. Иаков провёл пальцами по камню и нахмурился.

«Что это, плесень?»

Надгробный камень, под толстым слоем плесени, оказался белоснежно белым. Перебирая куски, размером с кулак, Иаков не видел, как гнилая кисть ухватилась за край могилы. Зловещий мертвец поднял голову, распухшее перекошенное лицо, покрытое слизью и гноем, уставилось на травника. Щёки с хрустом лопнули, обнажая нечеловеческие зубы. Мертвец заскрёб ногтями, пытаясь выбраться из могилы, чтобы броситься на спину человеку.

Иаков выбросил сжатый кулак, с оттопыренным мизинцем и большим пальцем, в сторону твари. Между кулаком и головой мертвеца было метра два, но голову твари будто откинуло ударом кувалды. Челюсть, нос, скулы смяло в труху, пальцы замерли и заскользили в провал. Всё это действие, Иаков не удостоил даже быстрым взглядом, он упорно собирал лицевую сторону надгробья.

«Видеслава, дочь Варфоломея. Всё-таки купец».

Иаков с трудом выпрямился, взглянув на могилу, вскинул указательный палец к небу, и заговорил.

– Стекланный защитник, светлый дух, встань на страже не дай мертвецам войти в мир живых!

Шар яркого света возник из ниоткуда и приблизился к травнику. Стекланная стрекоза уселась на указательный палец, а затем взлетела и зависла над могилой, испепеляя светом выбирающихся мертвецов.

Давление ослабло, Иаков вздохнул полной грудью и рва-

нул с погоста. Времени оставалось совсем мало.

Деревянные ворота во двор купца были распахнуты. Травник буквально влетел в них и не обращая внимания на крики «Стой! Эй!», направился к поместью. Сторож был явно не готов к подобному вторжению.

Ворвавшись через парадный вход, Иаков ощутил слабый запах гниения. Мгновение травник определял, откуда исходит запах и пошёл по его следу. Стоило ему подняться на второй этаж, в грудь ему упёрся клинок, а сзади набросился сторож, заламывая руки.

– Ты кто такой? – ледяным тоном спросил Варфоломей, убирая кинжал в ножны.

– Как бес пронёсся мимо меня, – запыхаясь оправдывался крепкий сторож.

– Я, Иаков странствующий травник, – представился он.

– И какого лешего, ты ворвался ночью в мой дом? – раздражённо спросил купец.

– Осмелюсь предположить, вы уже знаете ответ на свой вопрос, – травник зловеще улыбнулся.

Варфоломей не понимаяще глядел на Иакова. Молчание длилось минуту и нарушил его сторож.

– Ты бесноватый что ли? Отвечай.

– Филип! – резко прервал его купец. – Отпусти гостя и ступай.

Сторож, не веря ушам, продолжал удерживать травника, пока тот сам не вырвался.

– Травник, что привело тебя ко мне, в столь поздний час? – купец перефразировал вопрос и произнёс его с уважением.

– Варфоломей, у нас очень мало времени, – начал Иаков, вглядываясь в лицо купца.

«Глаза красные, бегают. Он в горе, отчаяние и похоже не понимает, что происходит».

– Не буду тянуть, где ваша дочь? – спросил травник.

Варфоломей тяжело вздохнул, положил ладонь на глаза. Взрослый крупный мужчина готов был зарыдать. Иаков не торопил его, спешка могла привести к непоправимым последствиям.

– Пойдёмте, я уже отчаялся и честно скажу не верю в то, что вы способны помочь, – вытерев глаза, проговорил купец.

Подходя к закрытой, буквально замурованной, смоченными в уксусе тряпками, двери, Иаков уже догадался, что будет за ней. Кислый запах не мог удержать просачивающийся смрад. Варфоломей открыл дверь и, приложив платок к носу, отступил в сторону. Волна гнилостного запаха обрушилась на травника, он привычно нахмурился и вошёл в комнату.

Свечи, много свечей. Они были повсюду: на комод, на подоконнике, на туалетном столике, на кровати и даже на полу.

«Церковные, полностью из пчелиного воска. Здесь они не помогут. Безрассудство».

На широкой кровати лежал разлагающийся труп с живыми глазами – это и была Видеслава, дочь Варфоломея. Девушка, точнее то что от неё осталось, скулила от боли.

– Она не может уйти, – прошептал Иаков. – всё ужаснее чем я думал.

– Бедняжка страдает уже третьи сутки, – едва сдерживаясь, произнёс купец.

– Но почему, – травник быстро приблизился и взглянул девушки в глаза.

Сквозь пелену боли он рассмотрел мольбу.

«Бедное дитя гниёт заживо третьи сутки. Но почему именно она?».

– Как это произошло? – осторожно спросил Иаков.

– Я, – Варфоломей запнулся. – Я не знаю. Она просто упала. Пышущая жизнью, здоровая юная дева, ни с того ни с сего, рухнула прямо у меня на глазах, как будто кто-то обрезал её жизненные нити, – купец тяжело вздохнул, закрыв глаза он погрузился в воспоминания.

– Что было дальше? – настойчиво спросил травник.

– Она была мертва, – собравшись с мыслями произнёс Варфоломей. – Я готов поклясться. Она была мертва, я не могу ошибаться. Её сердце не билось, когда я укладывал её в кровать, она внезапно открыла глаза. Моей радости не было предела, уже тогда внутри меня зародилось подозрение. В молодости я служил дружинником в Белояре у десятника Яркена, под руководством боярина Доброгнева. На службе

я насмотрелся на трупы, и моя дочь от них не отличалась. Глаза, только глаза у неё остаются живыми. Запах, даже на поле брани тела не источают такое зловоние, – купец поморщился и замолчал.

– Вы верующий? – указывая на свечи, спросил Иаков.

– Не знаю, чем я прогневал всевышнего, но я стойко перенесу это испытание, посланное им. Я лично привёз икону «Спас Елеазаровский» в Катайга. Конечно я верующий!

– Это хорошо, теперь внимательно меня выслушай. Я знаю, как спасти душу твоей дочери, – повернувшись к купцу, произнёс травник.

Глава шестая

Ивану не пришлось разгонять ротозеев. Как только из дома раздался скрипучий голос, женщины бросились врассыпную. Со здоровяком остался только тиун Фадей и то из-за того, что не видел куда бежать.

– Иванушка, родненький, выпусти меня, – от противного скрипа не осталось и следа. Голос был чистый, мелодичный. – Это я, сестра твоя. Выпусти меня, мне одиноко и страшно, – раздалась девичьи всхлипы.

Здоровяк шагнул вперёд в его плечо вцепилась костлявая рука Фадея.

– Ты куда собрался? – спросил боярский тиун, таким тоном будто обвинял Ивана в дезертирстве.

– Я, но там, Алёнка, – растерянно проговорил Иван.

– Нет там Алёнки! – сквозь зубы выкрикнул старик. – Змий там! И мы сожжём его!

– Это лишнее, – вмешался Иаков. – Огонь не навредит твари, что внутри.

Рядом с травником стоял купец, в руках он держал свёрток одеяла.

– Иван, Фадей, Варфоломей, – обратился Иаков, задерживая взгляд на каждом мужчине. – На ваши плечи опустилась ноша, посильная, пожалуй, только всевышнему, но если вы отступите тварь уничтожит Катайга. На этом она не остано-

вится, зло разольётся по реке Кеть. Все деревни и поселения по её берегам вымрут, даже Белояр не устоит.

– Всевышний с нами! – произнёс Варфоломей.

– Я боярский тиун! – произнёс Фадей.

– Я не отступлю, – произнёс Иван.

– Хаха, – зловещий смех раздался из избы. – Кто тут у нас. Купец, трус, бесполезный кусок мяса и травник. Возомнили себя воинами божьими! Вам не одолеть. Я высосу кровь и обглодаю ваши кости!

Травник повернулся к избе и тихо заговорил.

– Варфоломей, дальше я понесу Видеславу, – Иаков перенял свёрток. – Подготовьте гроб и икону, и ещё нам понадобится пчелиный воск. У тебя дома полно церковных свечей они подойдут. Фадей, ты понесёшь икону «Спас Елеазаровский» впереди и от твоей веры зависит наша защита. Даже если ты раньше не верил, поверь сейчас, ты видел тварь, без помощи всевышнего нам не сдюжить, – старик кивнул.

Иаков медленным шагом направился к избе, внутри его ждал тяжёлый бой. Остановившись в сенях, он аккуратно положил свёрток с девушкой на пол. Травник достал из кармана чёрную пилюлю, размером с перепелиное яйцо, и закинул её в рот. Мужчины должны были остаться снаружи не только для того чтобы не видеть происходящий ужас, но и для того чтобы не видеть одержимость травника.

Из его пор засочилась тёмная жидкость, покрывая кожу, она становилась похожая на перья. Лицо заострилось, по-

крылось костяным наростом и стало похоже на череп гигантской хищной птицы. Пальцы травника с хрустом вытянулись. Когда метаморфозы закончились, одержимый поднял свёрток и вошёл в обеденный зал.

На столе, в той же позе сидел покойник.

– Хугин, собственной персоной, – злорадно бросил мертвец. – Ты опоздал! Договор нарушен. Три дня прошло!

Одержимый, не обращая внимания на слова, положил свёрток рядом на стол и развернул его.

– Зачем ты её притащил! – испуганно заверещала тварь.

Хугин поднял правую руку и из рюкзака выскочила большая серебряная игла.

– У тебя ничего не выйдет! – продолжало кричать умертвие.

– Заткнись! – скомандовал одержимый, да так, что стены содрогнулись. – Согласно древнему договору, ТЫ, хозяин погоста, приговорён к очищению.

– Нет! У тебя нет таких полномочий! – заверещал мертвец.

– Ты не вправе оспаривать мои полномочия, – Хугин поднял левую руку, золотая нить выскользнула из рюкзака. – А теперь приступим.

Серебряная игла обжигала мёртвую плоть, золотая нить крепко сшивала саму суть твари. Сначала одержимый зашил рот, затем глаза и нос. Пришив руки к телу и ноги меж собой, он приступил к самому сложному.

Вернуть хозяина погоста в могилу, было недостаточно. Невинная девушка, назначенная жертвой, благодаря человеческому невежеству, избежала погребения, но не смерти. Обещанное твари тело превратилось в гниющую темницу. Спасти душу, Хугину было под силу, но тело необходимо отдать.

Первый стяжек вышел неудачный, тонкая нить порвала мягкую плоть. Одержимый сосредоточился, подтянул девушку ближе и начал сшивать два тела. Рука к руке, нога к ноге, голова к голове. Иаков не чувствовал отвращения, сейчас вся человечность покинула травника, одержимость заняла её место. Позже, намного позже, Иаков будет вспоминать и содрогаться от сделанного своими руками, но сейчас Хугин полностью владел его телом, и он сделает всё, чтобы исполнить договор.

– Потерпи дитя, осталось совсем немного, – произнёс одержимый закончив.

Хозяин погоста, соединившись с наречённой жертвой, уже не мог сопротивляться. Одержимый аккуратно завернул его в, испачканное гноем, одеяло и поднял на руки. Ноша оказалась настолько тяжёлой, что у Хугина едва хватило сил вынести её в сени. Чёрные как смоль перья ссыпались, превращая ужасного Хугина в обычного Иакова. Костяная маска исчезла как наваждение. Из избы вышел очень уставший человек.

Купец и Иван уже подготовили деревянный гроб. Тиун

стоял рядом и держал икону.

– Помогите, – позвал Иаков и Варфоломей сразу кинулся к нему.

Купец принял потяжелевший свиток и вопросительно уставился на травника.

– Так надо, доверься мне, – устало проговорил Иаков. – Заколачивайте гроб семью гвоздями. Залейте уши воском. Вам ни в коем случае нельзя будет слышать происходящее. Стоило бы ещё завязать глаза, но я боюсь тогда вы не сможете нести гроб.

Под стук молотка травник вернулся в избу и взвалил на себя рюкзак.

«Надеюсь на кладбище мне ничего из этого не пригодиться, но лучше подстраховаться».

Глава седьмая

Кладбищенские ворота встретили процессию ржавым скрипом. Шквал ударил с погоста, срывая металлические створки. По счастливой случайности, они пролетели, не задев мужчин.

Тиун Фадей, не видя пролетевших мимо ржавых копий, отважно вышагивал перед гробом. Прижимая икону к груди, ослепший старик безошибочно ступал по дороге. Шквал остановил хлипкого старика и чуть не опрокинул на спину, шедшие позади Иван и Варфоломей упёрли ему ладони в спину, продолжая держать гроб одной рукой.

Процессия замедлилась и едва двигалась против ветра. Иаков достал из рюкзака вертушку. Бумажные, покрытые синей краской, лопасти завращались с бешеной скоростью. Вертушка начала издавать низкий писк, казалось она пожирала силу ветра. Шквал сошёл на нет.

Мужчины покосились на травника, но спрашивать ничего не стали. Они уже поняли, что Иаков не простой человек, а посланник свыше. Он не собирался развеивать их заблуждение.

Земля на погосте пропиталась гноем и кровью. Ноги, с противным хлопаньем, проваливались в жижу по щиколотку. Старик Фадей внезапно провалился по колено, могильная земля сомкнулась, как капкан, и начала затягивать жи-

вую плоть, подобно болоту.

– Не бросай икону! Подними её выше! – прокричал Иаков.

Боярский тиун не мог слышать травника, мужчины замазали уши воском, икону он не выпустил из рук только по одной ведомой ему причине. Медленно уходя под землю, он поднял её над головой и, что было сил, закричал.

– Всевышний! Не за себя прошу! Спаси рабов своих!

Икона «Спас Елеазаровский» заплакала. Такого даже Хугин не мог предвидеть. Волна благовоний разошлась по погосту.

– Роза? Лаванда? – принюхиваясь спросил Иван.

– Ладан! – воскликнул Варфоломей.

Томный, расслабляющий с дымными полутонами, аромат окутал мужчин, оставляя тёплый запах с лёгкими оттенками воска и цветов.

Боярский тиун блаженно улыбнулся из-под глазной повязки побежали слёзы. Иаков снял промокшею кровью тряпицу, старик прозрел, он исцелился. Сияющие верой, глаза взглянули на травника, затем на могилу, там был уже не провал, а бурлящая воронка.

Маленькая стеклянная стрекоза накрыла, куполом света, живой поток мертвецов. Её хрупкое тело покрыла сеть трещин, ещё мгновение и насекомое разлетится на тысячи осколков.

– Поторопитесь! – крикнул Иаков, содрогая небеса.

Мужчины растянули верёвку, оставляя гроб по центру.

Иван встал с одного края, Варфоломей и Иаков с другого. Стрекоза издала хруст и рассыпалась мелкими осколками, мужчины одновременно потянули. Гроб, с хозяином погоста и жертвой, неохотно заскользил. Купол света исчез, мертвец рванули наверх. Самый прыткий из них, с облезшими костлявыми руками, ухватился за край и собирался выско-
чить, как его сшиб гроб, они вместе рухнули вниз.

Воронка вспыхнула белым светом. Луч ударил в небо, пронзая стальные небеса.

– Звёзды? – неуверенно спросил Иван.

– Видеслава! – рухнув на колени, вскрикнул Варфоломей.

Из могилы поднялся образ из света. Юная девушка скорбно улыбнулась и приблизилась к купцу. Видеслава обняла отца. Мужчина содрогался, горе вернулось.

– Отец, не надо горевать, – отстранившись, произнесла девушка. – Всё будет хорошо, береги моего брата Святослава и мать Елену. Не плач, отец, возведи часовню на моей могиле – это позволит мне защитить Катайга в будущем. Мне пора, прощай.

Купец обнял дочь и не хотел отпускать, но девушка прошла сквозь руки и воспарила в небо. В прорванной прорехе облачной пелены мерцали звёзды. Девушка устремилась к ним добавляя новую, звезду Видеслава дочь Варфоломея.

Эпилог

«Всё произошедшее, представляло собой непредсказуемую цепочку глупых, невежественных поступков и событий. В Катайга приезжает плотник Пётр. Молодой мужчина, заводит роман с замужней женщиной. Виола не хочет порочить свою честь, позором развода, и соглашается свести мужа со света.

Хозяин погоста, раз в семь лет, забирает покойника. В жертву годиться только тот человек, который родился в этих краях. Имя появляется на надгробие и в тот же день человек умирает. Хозяин погоста претендует исключительно на тело, забрать душу ему не под силу.

Пётр, в сговоре с тремя подмастерьями, разбивает надгробье и вероломно нападает на Фредерика. Погребение нарушило древний договор, хозяин погоста заполучил живое тело.

Юной дочери купца, было суждено умереть. Непрекращающиеся чудовищные боли терзали её три дня. Покинув тело, она уничтожила хозяина погоста и стала новой покровительницей посёлка. Мученица Видеслава».

– Скажи мне, зачем ты забрал икону? – спросил Иван, прерывая размышления травника.

– Плата за оказанную услугу, – холодно ответил Иаков.

– Жалко ту муху, что на кладбище была, – отвязывая

скромный паром от причала купца, произнёс здоровяк.

– Стрекоза, это был всего лишь сосуд,местилище. Дух невозможно убить. Изгнать, ослабить, заточить, можно, но не убить. По крайней мере, я о таком не слышал. Мне нужен стеклодув, – задумчиво проговорил Иаков.

– Стеклодув? В Белояре должен быть, – Иван перебросил скромный багаж на паром и перебрался сам. – Я отправляюсь с тобой.

– Ты уже сделал выбор, тогда в избе. Прикоснувшийся к изнанке и тварям, уже нельзя уйти. Ты станешь своего рода магнитом для них. Рано или поздно они придут за тобой. Я не знаю какая у твари будет личина, но она обязательно явиться и лучше тебе к этому быть готовым.

– Тем больше причин держаться тебя. Знаешь, мне не дают покоя, подмастерья Петра. Мы не нашли тел. Они сбежали?

– Думаю нет. Тварь коснулась их. Знаешь, что происходит с людьми, если их ранит мертвые? – спросил травник и не дождавшись ответа продолжил. – Они становятся вурдалаками. У низшей нежити есть одна особенность – первая жертва всегда родственник. Эти трое ведь не местные, – утвердительно сказал Иаков и Иван кивнул. – Мы их встретим в Белояре.

«Хозяин погоста уничтожен, зов исчез. Моя работа выполнена, но почему я не чувствую удовлетворения... Чёрт, я забыл собрать пыльцу фей...».